

Легкий намек на будущего интеллигентного русского человека. Несомненный удел будущей русской женщины

Есть теперь странные недоумения и странные заботы. Положительно есть русские люди, боящиеся даже русских успехов и русских побед. Не потому боятся они, что желают зла русским, напротив - они скорбят об всякой русской неудаче сердечно, они хорошие русские, но они боятся и удач, и побед русских, - "потому-де, что явится после победоносной войны самоуверенность, самовосхваление, шовинизм, застой". Но вся ошибка этих добрых людей в том, что они всегда видели русский прогресс единственно в самооплевании. Да самонадеянность-то нам, может быть, и всего нужнее теперь! Самоуважение нам нужно, наконец, а не самооплевание. Не беспокойтесь: застоя не будет. Война осветит столько нового и заставит столько изменить старого, что вы бы никогда не добились того самооплеванием и поддразниванием, которые обратились в последнее время лишь в простую забаву. Зато обнаружится и многое такое, что прежде считалось даже умниками-обличителями нашими лишь мелочью, смешными пустяками и даже последним делом, но что, однако же, составляет главнейшую нашу сущность дела во всем. Да и не нам, не нам предаваться шовинизму и самоупоению! Где и когда это случалось в русском обществе! Утверждающие это просто не знают русской истории. Об нашем самоупоении много говорили после Севастополя: самоуверенность-де нас тогда погубила. Но никогда интеллигентное общество не было у нас менее самоуверенно и даже более в разложении, как в эпоху перед Севастополем.

Кстати замечу: из писавших о нашем самоупоении и дразнивших нас им после Севастополя было несколько новых молодых писателей, обративших тогда на себя большое внимание общества и возбудивших в нем горячее сочувствие к их обличениям. И, однако, к этим истинно желавшим добра обличителям присоединилось тогда тотчас же столько нахального и грязного народу, явилось столько свистопляски, столько людей, совсем не понимавших, в чем сущность дела, а, между тем, воображавших себя спасителями России, мало того - явилось в их числе столько даже откровенных врагов России, что они, под конец, сами повредили тому делу, к которому примкнули и которое повелось было талантливыми людьми. Но сначала и они имели успех, единственно потому, что чистые сердцем русские люди, действительно жаждавшие тогда повсеместно обновления и нового слова, не разобрали в них негодяев, людей бездарных и без убеждений, и даже продажных. Напротив, думали, что они-то и за Россию, за ее интересы, за обновление, за народ и общество. Кончилось тем, что огромное

большинства русских людей наконец разочаровалось и отвернулось от них, - а затем уж пришли биржевики и железнодорожники... Теперь этой ошибки, кажется, не повторится, потому что несомненно явятся новые люди, уже с новой мыслью и с новой силою.

Эти новые люди не побоятся самоуважения, но и не побоятся не плыть за старым. Не побоятся и умников: они будут скромны, но будут уже многое знать, по опыту и уже на деле, из того, что и не снилось мудрецам нашим. По опыту и на деле они научатся уважать русского человека и русский народ. Это-то познание они уж наверно принесут с собой, и в нем-то и будет состоять, их главная точка опоры. Они не станут сваливать всех наших бед и всех неумений наших единственно лишь на свойства русского человека и русской природы, что обратилось уже в казенный прием у наших умников, потому что это и покойно и ума не требует. Они первые засвидетельствуют собою, что русский дух и русский человек в этих ста тысячах взваленных на них обвинений, не виноваты нисколько, что там, где только есть возможность прямого доступа русскому человеку, там русский человек сделает свое дело не хуже другого. О, эти новые люди поймут наконец, несмотря на всю свою скромность, как часто Наши умники, даже и чистейшие сердцем и желающие истинной пользы, - садились между двух стульев, желая отыскать корень зла. К этим-то новым людям, которые несомненно явятся после войны, примкнет много живых сил из народа и русской молодежи. Они и до войны уже объявлялись, но мы всё еще их не могли тогда заметить, и когда мы все здесь ожидали увидеть лишь зрелища цинизма и растления, они там явили зрелище такого сознательного самоотвержения, такого искреннего чувства, такой полной веры в то, за что пошли отдавать свои головы, что мы здесь лишь дивились: откуда взялось всё это? Некоторые иностранные корреспонденты иностранных газет упрекали некоторых русских офицеров за то, что они самолюбивы, карьеристы, рвутся к отличиям, забывая главную цель: любовь к родине и к тому делу, которому взялись служить.

Но если и есть у нас такие офицеры, то всё же этим корреспондентам не дурно было бы узнать и о той молодежи или об тех, незаметных даже по чину своему офицерах, скромных слугах отечества и правого дела, которые умирали вместе с своими солдатами доблестно, с полным самоотвержением, вовсе уже не для награды, не для красоты и не для карьеры, а потому только, что были великие сердца, великие христиане и незаметные великие русские люди, которых так много, чуть не до последнего солдата, в нашем войске. Заметьте тоже, что, говоря о грядущем новом человеке, я вовсе не указываю лишь на одних наших воинов, в ожидании того, когда они воротятся. Явятся

и бесчисленные другие - все те, которые прежде так жаждали верить в русского человека, но не могли проявиться и идти против всеобщего, царившего наружу, отрицания и пессимизма. Но теперь, созерцая, с какой верой в свои силы проявился русский человек там, они поневоле ободряются и поверят, что есть настоящие русские силы и здесь: откуда тамошние-то взялись, как не отсюда же? А ободрившись, сплотятся и скромно, но твердо примутся уже за настоящее дело, не боясь ничьих громких и звонких слов. И всё таких старых, старых слов! А умные, старички наши всё еще до сих пор уверены, что они-то и есть самые новые и молодые люди и что говорят самые новые слова!

Но главное и самое спасительное обновление русского общества выпадет, бесспорно, на долю русской женщины. После нынешней войны, в которую так высоко, так светло, так свято проявила себя наша русская женщина, нельзя уже сомневаться в том высоком уделе, который несомненно ожидает ее между нами. Наконец-то падут вековые предрассудки, и "варварская" Россия покажет, какое место отведет она у себя "матушке" и "сестрице" русского солдата, самоотверженнице и мученице за русского человека. Ей ли, этой ли женщине, столь явно проявившей доблесть свою, продолжать отказывать в полном равенстве прав с мужчиной по образованию, по занятиям, по должностям, тогда как на нее-то мы и возлагаем все надежды наши теперь, после подвига ее, в духовном обновлении и в нравственном возвышении нашего общества! Это уже будет стыдно и неразумно, тем более, что не совсем от нас это и зависеть будет теперь, потому что русская женщина сама стала на подобающее ей место, сама перешагнула те ступени, где доселе ей полагался предел. Она доказала, какой высоты она может достигнуть и что может совершить. Впрочем, говоря так, я говорю про русскую женщину, а не про тех чувствительных дам, которые кормили турок конфетами. В доброте к туркам, конечно, нет худа, но всё же ведь это не то, что совершили там те женщины; а потому эти всего только русские старые барыни, а те - новые русские женщины. Но и не про тех одних женщин говорю я, которые там подвизаются в деле Божиим и в служении человечеству; те своим появлением только доказали нам, что в русской земле много великих сердцем женщин, готовых на общественный труд и на самоотвержение, - потому что, опять-таки, откуда же те-то взялись, как не отсюдова же? Но о русской женщине и о несомненном ближайшем жребии ее в нашем обществе я хотел бы поговорить побольше и особо, а потому и возвращусь еще к этой теме в следующем октябрьском "Дневнике" моем.